

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
КАЮРИН

**ФАРТ
УЗНИКА
РОСОМАХИНА**

Михаил Александрович Каюрин

Фарт узника Росомахина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68853723

SelfPub; 2023

Аннотация

Узник Росомахин обречён на мученическую смерть в забое шахты. Неожиданное предложение "хозяина" зоны даёт ему шанс на выживание. На замену умирающим доходягам прибывает очередная партия заключённых, для которых ещё не освободились места в бараках. Сможет ли бывший строитель заставить уголовную братву рыть землянки на сорокаградусном морозе и не получить заточку в бок?

Михаил Каюрин

Фарт узника Росомахина

Разговоры о предстоящем расширении лагеря велись давно. Пока на зоне витали слухи о предстоящей стройке, заключённые продолжали надирать своё здоровье в узких, как кротовая нора, забоях старой шахты. Лагерное начальство ничуть не заботилось об улучшении условий труда и быта зеков. Вентиляция отсутствовала, сверху постоянно сочилась вода, в штрехах было влажно и душно. Люди задыхались, простывали и болели.

С началом войны условия, и без того каторжные, резко ухудшились. Пайка за работу была урезана, рабочая смена в забое увеличилась до десяти часов в сутки. Изнурительный труд выматывал людские силы, доводил человека до истощения, и он умирал. На место умерших привозили новую партию заключённых. Перемалывая очередные человеческие жизни, угольный конвейер продолжал двигаться безостановочно – благо людского материала было предостаточно.

Александр Росомахин первый раз спустился под землю тринадцать месяцев назад. Весь этот срок он, лёжа на боку, махал кайлом и за себя, и за блатных – воры в законе в пещорской зоне придерживались воровских принципов и кайло в руки не брали. Администрация лагеря смотрела на это

сквозь пальцы, верхушка главарей воровской группировки пользовалась её покровительством. На первом месте у начальника лагеря стояли дисциплина и порядок, выполнение плана – на втором. Блатные безупречно обеспечивали на зоне и то, и другое, а это было главным аргументом для начальника лагеря, чтобы не вмешиваться в лагерную жизнь заключённых.

Каким бы крепким и выносливым человек не был, адский труд рано или поздно сгибал его в бараний рог, гнул к земле, высасывая из организма жизненную энергию всю до последней капли.

За год каторжной работы Росомахин изменился до неузнаваемости. Нос заострился, скулы выпирали из-под бледной кожи, глаза глубоко провалились, тело усохло настолько, что арестантская роба висела на нём, как на вешалке.

Первые месяцы он ещё тешил себя надеждой, что отчаявшиеся зеки долго не выдержат изнурительного труда, объединятся в протестную группу и взбунтуются, потребовав от администрации исполнения закона всеми зеками на равных. Но он ошибся. Никто из заключённых, таких, как сам Росомахин, именуемых на зоне просто «мужиками», попавших на зону по глупости или по стечению обстоятельств, даже в мыслях не допускали противоборства с блатными. Смирившись с судьбой, они безропотно тянули свою непосильную лямку, надеясь в душе лишь на чудо в послаблении жесткого

лагерного режима.

Политических в этом лагере не было, агитаторов-смельчаков не находилось. Да и требовать исполнения законов было бы настоящим самоубийством. В одном случае блатные без промедления порезали бы за одну ночь всех недовольных прямо в бараке, как баранов, с присущим им хладнокровием и жестокостью, в другом случае, зачинщиков пристрелили бы конвоиры по указке хозяина «при попытке к бегству». Такое уже было в истории лагеря, как оказалось.

Методы, которые когда-то применял вольнонаёмный мастер Росомахин, работая с заключёнными в Бурятии, здесь были не приемлемы. В лагерях Коми существовали иные правила и порядки, в мозгах лагерного начальства прижились другие принципы управления заблудшими людьми.

Через полгода Александр окончательно убедился, что наивно тешить себя восстановлением хотя бы частичной справедливости. Более того, ему стало известно, как цинично поступают здесь блатные с заключёнными, у которых ранее имелись отношения с органами НКВД.

В лагере пока никто не знал о такой страничке в его биографии, и это временно спасало от издевательств или смерти. Чтобы остаться в живых, нужно было оставаться в тени и не лезть на рожон. Хотя далёкая Бурятия была отсюда за тысячи километров, но воровская малява не знает ни расстояний, ни границ. Если только станет известно, что он работал мастером в одной из колоний, пусть даже в качестве

вольнонаёмного, никакой пощады ему не будет. Братва без колебаний посадит его на нож. И вот, когда он уже смирился со своей участью, его неожиданно вызвал к себе начальник лагеря.

Конвоир довёл Росомахина до кабинета хозяина зоны, отступил в сторону, пропустил заключённого. Александр снял шапку, постучал в дверь, и вошёл в чистое уютное помещение. Остановившись у порога, назвал свою фамилию и статью, по которой был осужден.

– Проходи, садись, – дружелюбно проговорил начальник лагеря, показав жестом руки на привинченный к полу стул в торце стола, покрытого зелёным сукном. За всё время пребывания в лагере Росомахину никогда не доводилось видеть «хозяина» вблизи. Теперь он рассматривал его без головного убора с некоторым любопытством, сравнивая мысленно с Антоном Лукичом Порубейником – начальником лагеря-колонны № 23 на строительстве железной дороги в Бурятии. Одно сходство между ними всё же имелось. Тот и другой были рослыми и тучными, а в целом – скорее, полные противоположности.

– Не догадываешься, по какому поводу я тебя вызвал? – начальник лагеря прищурился и впился изучающим взглядом в Росомахина.

– Никак нет, гражданин начальник, не догадываюсь.

– Неделью уже читаю личные дела осужденных, подбираю нужных мне людей, – загадочно выразился «хозяин», не от-

водя глаз от лица заключенного, и выдержал короткую паузу.

– Удивляюсь, как тебе удаётся ладить с братвой? Рубишь уголёк, таскаешь волокуши и ни разу не выяснял отношений с блатными?

– Работаю, как предписывает режим, – вяло ответил Александр.

– Я не о том, – усмехнулся начальник лагеря.

– Тогда я не понимаю вас, гражданин начальник.

– Что тут непонятного? До боёв на Халхин-Голе ты, оказывается, сам перевоспитывал трудом осужденных, вершил их судьбы, так сказать, – расплылся в язвительной улыбке «хозяин». – Скажи по секрету: за тринадцать месяцев не хотелось тебе хоть однажды ткнуть в харю кому-нибудь из зарвавшихся фраеров?

– Нет, гражданин начальник, не хотелось.

– Можешь называть меня Николаем Павловичем, – вкрадчиво сказал начальник лагеря. – Тебе я разрешаю.

Росомахин с недоумением помял в руках шапку, потом снова положил её на колени, спросил:

– К чему такая любезность, гражданин начальник?

– Хочу предложить тебе, Росомахин, возглавить участок на предстоящей стройке. Мужик ты, я вижу, неплохой. Работящий и терпеливый. Жаль будет, если блатные дознаются о твоём прошлом и пришьют к нарам.

– От своей тени не уйдёшь, гражданин начальник, – глядя прямо в глаза «хозяину», спокойно вымолвил Росомахин.

– Чем в могилу торопиться, лучше молча почесать свой затылок, – усмехнулся «хозяин». – Ты знаешь, что означает моя фамилия?

– Нет.

– Карачун – это смерть, погибель. Почему нарекли так моих предков – одному сатане известно. Но я могу сказать одно: подполковник Карачун единолично решает, кому на зоне следует умереть, а кому радоваться жизни. Заруби это себе на носу и не стирай зарубку до окончания срока, – начальник лагеря вынул из кармана кителя носовой платок и протёр вспотевшую лысину.

– Давай так, – продолжил он, затолкав обратно в карман аккуратно сложенный платок, – эту неделю ты дорабатываешь в забое, а с понедельника приступаешь к новым обязанностям. Ты меня понял?

– Понял, гражданин начальник, – сухо ответил Росомахин.

– Что-то я не вижу радости на твоём лице, – с насмешкой проговорил Карачун. – Или гнить в забое тебе привычнее? Тогда так и скажи, не удивлюсь, всяких чудаков повидал за службу. А может, тебе за падло получить подарок из рук самого хозяина?

– Отчего же, безмерно рад, гражданин начальник. Любой твари жить хочется, а человеку тем более, – с непроницаемым лицом ответил Росомахин. – Только ведь на зоне закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.

– Правильно мыслишь, Росомахин. За всё придётся платить, чтобы стать этим самым шмелём. Не бойся, сучью отметину на тебе я ставить не собираюсь, ты и без неё запятнан, – начальник лагеря широко улыбнулся, его густые рыжие усы расплзлись в разные стороны. Голос Карачуна был негромким, но твёрдым, с металлическим оттенком. Слова исходили изо рта каждое в отдельности, будто были заблаговременно сложены в некую обойму, и он выпускал их сейчас оттуда, как выстреливал, с короткими промежутками времени.

– И что вы потребуете взамен за такую щедрость, гражданин начальник?

– Через пару недель сюда прибудет большая партия заключённых, в основном политических. Но среди них есть и уголовный сброд, не имеющий ничего общего с воровской братией. Всем им предстоит обжиться с нуля, – Карачун сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на Росомахина.

– Как...с нуля? – недоумеая, спросил Александр. – На голом месте, что ли? Они же окочурятся в первые сутки!

– Это будет зависеть от их желания жить, – по лицу начальника лагеря пробежала кривая и безжалостная ухмылка. – Не размещать же такую ораву в существующих бараках? Пусть даже на короткое время. Блатные тут же порежут их всех до единого, да ещё бунт поднимут.

– В чём заключается моя задача? – хриплым голосом по-

интересовался Росомахин.

– Задача очень простая. Я даю тебе бригаду мужиков. За пару недель надо построить караульные вышки, натянуть по периметру колючую проволоку и разогреть грунт под землянки. Прибывшую партию политических прямо с этапа запустим в твою мышеловку и заставим рыть для себя жилище. Работа знакомая, верно?

– А что потом? Какая задача будет потом, когда придёт партия заключённых?

– Будешь за смотрящего у них, наделю тебя особыми полномочиями на случай бузы и саботажа. Сначала постройте землянки, потом приметесь за бараки. Ну, как, согласен?

– А если откажусь?

– Тогда мне придётся шепнуть Демону, что ты работал в органах НКВД, – самодовольно заявил «хозяин» и громко рассмеялся. – Смотрящий сам решит, как с тобой поступить. Или на ремни порезать, или запомоить. Тут уж как карта ляжет.

«Так вот почему твоему роду приклеили такую фамилию, – подумал Александр. – Ты, значит, по крови унаследовал звериные повадки».

А вслух сказал:

– Вот так, стало быть, вы обштопали моё дело, гражданин начальник. Как после таких слов мне не согласиться?

– Я и не сомневался в том, что ты не откажешься, – уже без ухмылки проговорил Карачун. – Давай обсудим детали.

...Хозяин зоны прекрасно понимал, что распоряжение ГУЛАГа о направлении в его лагерь большой партии политзаключённых не будет отменено. Здесь не сработают никакие самые весомые доводы. Шла война, сапоги немецких оккупантов уже полгода топтали землю больших регионов, откуда раньше заводы и фабрики получали уголь. Требовалось срочно нарастить недостающие объёмы за счёт оставшихся шахт. Планы добычи этого сырья увеличивались в разы. Это было понятно и без каких-либо дополнительных аргументов.

Предъявить ультиматум о том, что ему негде разместить такое количество людей, он, естественно, не мог. Это означало бы сделать выбор одного из двух вариантов своего незавидного будущего. Первый – сорвать с себя погоны и переселиться в барак уже в качестве заключённого, или второй, более предпочтительный – приставить пистолет к виску. Ни тот, ни другой вариант не устраивал Карачуна.

После получения секретного распоряжения из ГУЛАГа, он запёрся в кабинете на ключ и стал искать выход из непростой ситуации. Конечно, с большей частью прибывающих можно было как-то решить вопрос. Например, уплотнить блатных, подселив к ним обычных работяг. В освободившийся барак запрессовать четверть прибывших с этапа заключённых. Вторую четверть отправить на сутки сразу в забой. Потом чередовать их между собой, пока не будут готовы землянки. Но куда затолкать вторую половину?

«Нет, такой подход не годится, – подумал Карачун уже че-

рез несколько минут. — Блатные далеки от идеи самопожертвования в угоду «хозяина», они тут же взбунтуются, не дослушав меня до конца. Пожар протеста мне не нужен, ни в коем случае. Такое пламя может вспыхнуть, что даже весь конвой не справится и патронов не хватит на его ликвидацию. Будет куча трупов, в естественные потери их не спрятать».

Мысль пришла совсем неожиданно. Неспроста же он носит фамилию «Погибель»!

«Почему я должен ломать голову над тем, как сохранить здоровье этим отщепенцам? — пожал он плечами в полном недоумении, уставившись неподвижным взглядом в портрет Сталина на стене. — Сказано же, что большая часть прибывающих зеков — политические. Их переправляли из тех лагерей, которые впоследствии оказались на оккупированной немцами территории. Все они бывшие кулаки или недобитая контра! Будь моя воля, я бы не тратил на них ни копейки народных денег! Не церемонясь, ставил к стенке эту шушеру и дело с концом, — Карачун на какой-то миг даже представил, как отдаёт конвою команду «Огонь!», как падают на снег люди, как вокруг них, медленно расширяясь, образуются алые круги. — Нечего чикаться с врагами народа!»

От такого видения его настроение сразу улучшилось, он повеселел. Повертев головой из стороны в сторону, встал, развёл в стороны руки, потянулся. Потом долго ходил по кабинету, размышляя над деталями своего плана.

Он решил загнать всю партию прибывающих заключённых в чистое поле и заставить их рыть для себя землянки. Сколько зеков при таких условиях уткнётся лицом в мерзлую землю и никогда уже не поднимется – подполковника не интересовало. Он ликовал, что нашёл выход из ситуации. Оставалось лишь подобрать лидера для осуществления коварного плана. Требовался заключённый из мужиков, которого можно было шантажировать. Блатные для такой цели не годились, слишком велик риск провокации.

Карачун отпер кабинет, гаркнул в приоткрытую дверь:
– Оглоблин!

Тотчас, не раскрывая дверь полностью, в образовавшуюся щель протиснулся светловолосый старший лейтенант. Было такое впечатление, будто этот худой тридцатилетний офицер в очках постоянно подпирал косяк в коридоре, прислушиваясь к каждому шороху в кабинете начальника лагеря.

Оглоблин остановился посередине комнаты, замер в ожидании распоряжения. За время своей службы он привык к причудам хозяина. Бывало, проходило несколько минут, прежде чем он получал словесный приказ. Карачун мог вызвать помощника, посмотреть ему пристально в глаза, а потом некоторое время расхаживать по кабинету.

– Вот что, Оглоблин, – произнёс «хозяин» свои первые слова и остановился, словно желая убедиться, полностью ли обойма заполнена словами, которые ему сейчас предстоит изречь. – Принеси-ка ты мне дела мужиков, которые ко-

гда-либо имели дела со строительством, да не тяни резину. Желательно, чтобы имели опыт руководства людьми и не были бздунами. Всё ясно?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Иди, поторопись.

Через час Карачун уже перелистывал страницы личных дел, интересующих его заключённых. А спустя несколько дней вызвал к себе в кабинет Александра Росомахина.

... – Всё понял? – спросил хозяин зоны после получасовой беседы, вглядываясь в лицо новоиспечённого прораба.

– Да.

– Когда прибудет партия заключённых, выдам тебе наган.

– Для чего? – вскинул брови от удивления Александр.

– Эта штука позволит тебе пользоваться особыми полномочиями при наведении порядка. Ты забыл, наверно, что вместе с политическими прибывает группа уголовного сброда. Они попробуют устроить саботаж, схватить тебя за горло. Теперь ясно?

– Теперь ясно, – обречённым голосом выдавил из себя Росомахин и сглотнул внезапно накотившуюся слюну.

– Надеюсь, мы с тобой сработаемся, – приободрил его Карачун. – Если справишься с задачей до приезда горных специалистов – отпущу тебя в отпуск.

– Как... в отпуск? – не поверил Александр. – Разве такое возможно?

– Возможно, парень, ещё как возможно. В нашей глухома-

ни свои законы. Только это будет не тот отпуск, о котором ты сейчас подумал. Городского кайфа не жди. Я отправлю тебя на Печору. Одного, без охраны. Будешь охотиться на зверя, рыбку ловить, на зиму солонину заготавливать. Офицерский состав начал голодать, надо спасать людей.

Росомахин с трудом сдерживал волнение. Ему не верилось, что с понедельника ему уже не придётся ползать на четвереньках в тесном штреке в набухшей от сырости одежде, не лежать на спине в минуты коротких передышек, укрошая бешеный ритм сердца жадными глотками затхлого воздуха. Все эти жуткие ощущения через пару дней останутся в прошлом. Он круглые сутки будет дышать чистым морозным воздухом, не заставляя напрягаться изношенное тело. Вот это и будет тем чудом, о котором в забое мечтает каждый зек.

– А если не справлюсь? – задал Александр свой последний вопрос.

– Отдам на растерзание братве Демона, – осклабился Карачун. – Пусть потешатся с тобой. Всё, иди.

«Да, настоящий благодетель, – подумал Росомахин. – Сказал, будто вилы в бок воткнул».

Он встал, бросил напоследок взгляд на «хозяина» и отправился в шахту. Впереди его ждала новая жизнь, полная неожиданностей.

Как только были возведены караульные вышки и натянута

по периметру в три ряда колючая проволока, Карачун вызвал его к себе, сказал с похвалой:

– Молодец, Росомахин. С первой задачей ты справился. Работы закончил даже на два дня раньше срока.

– Я ведь слово вам давал, гражданин начальник, – пожал плечами Росомахин. – Как можно было его не сдержать?

– Это верно, – усмехнулся Карачун. – В лагерной жизни за кукушку бьют в макушку, за базар надо отвечать.

Начальник лагеря долгим пронзительным взглядом смотрел в лицо Александра, потом сказал:

– Я убеждён, что и с другой задачей ты справишься вполне успешно. В твоём характере есть то, чего нет у остальных – упорство, независимость и бесстрашие. Ты бы и пахана смог заменить с такими данными, окажись вдруг в воровской среде.

– Я презираю всех воров вместе с их блатными законами, – сухо ответил Александр.

– В этом я успел убедиться, – произнёс Карачун с оттенком некоторого сожаления. – Но на этих законах держится вся лагерная жизнь. Во всём ГУЛАГе не сыщется такого человека, который смог бы их искоренить.

На следующее утро на вышках выставили часовых, а ещё через день Росомахин встречал на выгороженной территории прибывшую партию заключённых. На боку у него висела кобура с наганом.

Лагерный конвой сопровождал колонну до центра очищен-

ной от снега площадки, приказал остановиться. Заключенные в недоумении вертели головами по сторонам в поиске жилых бараков. После изнурительного пути по заснеженной тайге, они едва держались на ногах, и рассчитывали на отдых в тёплых помещениях.

Начальник караула, рослый офицер лет тридцати пяти, по кличке «Стервятник», взглянув на измученных узников, криво ухмыльнулся, затем его лицо приняло каменное выражение. Он знал, какая участь ожидает этих несчастных людей, но в его глазах не отражалось ни капли сострадания. Казалось, этот человек смотрит на толпу сейчас такими же глазами, какими смотрели в эту минуту присмирившие на короткое время овчарки – насторожённо и злобно.

– Граждане бандиты и враги советской власти! – громовым голосом заговорил начальник караула, прохаживаясь перед строем взад-вперёд. – Вы прибыли в конечный пункт вашего этапа. Вначале вам предстоит построить для себя жильё, после чего вы будете искупать свою вину честным и добросовестным трудом в забоях угольной шахты. Трудиться начнёте сразу после переклички, чтобы не окочуриться от холода. Жить в тепле будете после того, когда выроете для себя землянки. Других помещений для обогрева на этой территории не существует.

В рядах колонны прокатился глухой гул возмущения. Заключённые заволновались, загудели, из глубины строя слышались гневные выкрики:

– Как?! Ночевать в снежном поле?!

– Вы что, поизмываться над людьми решили?!

– Совсем с ума посходили, изверги!

– Это вопиющее нарушение прав заключённого! Вы за это ответите!

– Ты чё твякаешь, в натуре, пёс легавый?! Бузы захотел?

Будет тебе тёрка! Кровью умоются твои вертухай!

– Кишки надо выпотрошить сукам за это!

– Совсем обурели, падлы!

Толпа заключённых воспалялась с каждой секундой всё больше и больше. Назревал бунт. Изнурённые зеки, казалось, вот-вот потеряют над собой контроль и ринутся рвать на куски начальника конвоя, творящего беспредел. Они быстро осознали, что часть из них уже через сутки-другие не выдержит мороза и отправится в иной мир. Это обстоятельство толкало их на безумство.

Собаки, почувствовав движение в рядах заключённых, вначале злобно зарычали, а потом, оцетинившись, яростно залаяли, рвались с поводка. Конвойные, оцепившие колонну зеков со всех сторон, сняли винтовки с плеча, выставили стволы в горизонтальное положение на уровне груди, ждали команды.

Начальник конвоя подал условный знак – разом прогремели выстрелы. Конвойные стреляли в землю, фонтанчики снега брызнули в двух шагах у ног первого ряда заключённых. Это мгновенно охладило их пыл.

Наступила необычная тишина. «Стервятник» с неизменным каменным лицом, невозмутимым тоном продолжил:

– Жаль, очень жаль, что вы предпочли путь бунтарей вопреки принятому здесь повиновению. Наверно, это всё от вашей усталости. Поэтому я сейчас предоставлю вам возможность немного отдохнуть.

Начальник конвоя умолк и некоторое время вышагивал, пристально вглядываясь в лица узников. По всей вероятности, пытался по лицам определить, кто же из этих людей посмел выкрикивать угрозы в его адрес. Совершенно неожиданно он гаркнул:

– Встать всем на колени!! Живо!!

Толпа колыхнулась, будто над ней пронёсся сильный вихрь, но продолжала стоять во весь рост, устремив испуганные взоры на лагерного офицера.

– На колени, я сказал! Руки за голову! Ну?! – гневно прохрипел начальник конвоя и опять подал знак охране. Те с завидной проворностью повторили залп устрашения. Пули вновь впились в снег у ног узников.

– Приступайте, – глухо скомандовал «Стервятник» своим подчинённым, когда все заключённые опустили на колени.

Началась долгая и утомительная переключка.

Александр Росомахин всё это время стоял в стороне, наблюдая за издевательством над измученными этапом людьми. Рядом с ним топтались в тревоге его помощники. Их он лично отобрал в ходе строительных работ на площад-

ке и предложил поработать с ним в должности бригадиров.

– Зря я, Сано, согласился бригадирствовать, – проговорил один из них по фамилии Левшин. Все его звали просто Левша. Это было связано и с его фамилией, и с тем, что мужик действительно управлялся левой рукой лучше, чем правой.

– Боишься, что после издевательств эти люди порвут тебя на куски? – усмехнулся Росомахин.

– Растерзают, как пить дать, – уверенно заявил Левша. – Им ведь терять нечего. Или околеть на морозе, или на нас злость свою сорвать. Слышал ведь, кто-то из них кричал: кровью умоются вертухай, кишки надо выпотрошить сукам!

– Ты что, Левша, к вертухаям себя уже причислил?

– Нет, конечно, но мы вот с тобой одеты в ватные штаны, на нас полушубки и валенки. У тебя, вон, даже наган на поясе. А они все в лохмотьях, в сапогах да ботинках, обморожены, руки тряпьем обмотаны. Кто мы для них, по-твоему? Ангелы-хранители? То-то и оно! Надзиратели и экзекуторы, то бишь, вертухай. Блатные разбираться с нами не станут, чуть что не по ним – перо в бок и – амба. Хорошо, если поохать ещё успеешь, пока не сдохнешь.

– «Хозяин» сказывал, воров в законе среди них нет, – сообщил Росомахин. – Так, фраерня разная. Десятка три-четыре жлобов наберётся, не больше. Это по два-три рыла на сотню политических. А те на мокруху не пойдут.

– Три-четыре десятка... Это что, мало по-твоему?

– Недостаточно, чтобы бузу замутить, – заверил Алек-

сандр.

– Откуда ты знаешь?

– Старожилы поведали, – усмехнувшись, соврал Росомехин. Он успел заметить в толпе двух зеков, которые прокричали слова угрозы. Глядя сейчас в их лица, Александр вспомнил Хрипатого и Грыжу из железнодорожного лагеря в Бурятии. Тогда ему удалось усмирить блатных. Надеялся он на свою победу и сейчас. В голове поневоле стала выстраиваться тактика поведения с этой озлобленной и оголтелой публикой, от которой напрямую зависела его собственная судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.